

НА КОНЦЕРТНОЙ ЭСТРАДЕ

Л. ПЕТРЕЙКОВ ЧИТАЕТ «С Т Р А Х»⁵

АФИША вызывала недоверие: «А. Афиногенов. «Страх». Исполняет Л. Петрейков». Как же так — один человек будет играть всю пьесу, даст целый спектакль? Как один исполнитель раскроет это драматургическое полотно? Что это за человек-театр?

...И вот он на сцене — один. Зазвучали слова, фразы, возникли образы, одевались в художественную ткань, в контуры переживаний. Раскрывались и философская глубина, и драматические коллизии, и большая социальная звучание пьесы, и нюансы отношений действующих лиц.

И чтец — как целый оркестр, каждый персонаж — характер. И не чувствовалось хроматических кусков, механической склейки, а шел процесс раскрытия характеров, идей.

...В центре действия — профессор Бородин, который стремится обосновать, что есть вечные стимулы,двигающие людьми, а именно: «От первого утра первых людей до последней зари человечества — только любовь, голод, гнев и страх...» Это — логическая завязка пьесы.

Бородин — научный руководитель института физиологических стимулов. Его тезис — «люди любят, боятся, сердятся и голодают». Ясно просвечивает принцип буржуазной социологии, которая социальные процессы выводила из физиологии, из физиологических стимулов.

А есть ли эти «вечные законы» в социалистическом обществе? Бородин решает это с позиций «чистой науки». Но ведь ее нет в обществе с классовой борьбой.

Не заслоняют ли социологические проблемы драматургическую линию пьесы, не превращают ли ее в априорную схему? Нет... Об этом говорят глубокие психологические характеристики героев.

Исполнитель, я бы сказал, живописно показывает нам профессора Бородина, профессора Боброва, аспирантов Кастальского, Кимбаева, Спасову (Клару) — всех действующих лиц, не веллируя, а показывая каждого, как типа.

Образ Бородина мы прослежи-

ваем в развитии, драматургически многогранно. Его своеобразно дополняют, раскрывают «положительные персонажи» пьесы (Бобров, Макарова и др.)

Другой мир — психологию уходящих, приспособливающихся, вредящих новому, их мелкие переживания (Амалия, Кастальский, Цеховой) чтец рельефно раскрывает слушателям в своем отношении к ним, своей позицией. Л. Петрейков через речевую ткань картина (хотя иногда и этюдо, скруто) показывает их суть.

А как волнующе прозвучал монолог Клары о страхе!

И в заключение, которое является дополнением к пьесе, — речь о том, как страх превращается в бесстрашие, а бесстрашие в героизм. Слушатель воспринимает его, как гимн героям, творцам социалистического общества. Здесь исполнитель как бы сделал последние штрихи в обрисовке типажей пьесы и вывел резюме.

...Атмосфера творчества так увлекает слушателя, что нет сил оторваться от этих жизненно-реалистических образов, которые встают в представлении... Речь — от многих, многозначительность и сккупость жеста, передав интонаций и простота, художественная простота, как выражение тонкого мастерства. И вместо сомнения, которое пришло, когда мы знакомились с афишой, — восхищение творчеством Л. Петрейкова, радость за спектакль, сыгранный одним человеком.

Таковы мои впечатления от встречи с артистом Л. Петрейковым, от его выступления в Доме актера Кировского отделения Всероссийского театрального общества.

Выступления мастеров художественного слова у нас, к сожалению, не так уж часты. Поэтому можно только пожалеть, что такой же вечер из-за каких-то организационных неполадок не состоялся в зале Кировской филармонии. Любители художественного слова много потеряли, не услышав, как Л. Петрейков читает «Страх».

И. СМЕТАНИН.

“КИРОВСКАЯ ПРАВДА”

13 ЯНВ 1965

г. КИРОВ